

from the urban linguistic environment while studying different branches of linguistics (especially word formation, morphology and lexis) at review lessons and as warm-up exercises, as well as in project activities. The examples should be selected according to aims and objectives of a lesson and age peculiarities of pupils, and the discussion must be held as an exchange of opinions.

Key words: teaching of the Russian language, linguistic creativity, advertisements, urbanonyms.

Статью отримано 10.09.2014 р.

УДК 811.161.1:372.8:165.62:316.732/736

МИЛЛЕР Людмила Владимировна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Петербургского государственного университета путей сообщения; Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: ludmilavmiller@mail.ru; тел.: +7 (812) 7841987; моб.: +7 921 9020570

МИР ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о необходимости расширения содержания понятий страноведение и лингвокультурология за счёт включения в перечень традиционных типов страноведческих объектов культурных перцептивных стандартов, представлений, стереотипов, мифов и даже предрассудков. И поскольку в этом случае речь идёт не столько о культуре, сколько о содержании сознания её носителя, представляется оправданным назвать такую концепцию лингвометодического освоения мира изучаемого языка лингвокультурной антропологией. Теоретические основы данной концепции могут быть сформулированы, если обратить более пристальное внимание на феноменологические исследования, результаты которых позволяют утверждать, что всё, что мы мыслим, тоже существует независимо от реальности и от самого индивида.

Основные положения статьи иллюстрируются примерами из произведений М. Алданова, Л. Улицкой, эпизодами фильма А. Звягинцева «Елена», ментальными репрезентациями, порождёнными традиционными представлениями о главном герое романа И. С. Тургенева «Отцы и дети».

Ключевые слова: феноменологический подход, лингвокультурная антропология, культуроспецифичные единицы обучения, интенциональный объект, ментальные репрезентации, ценностные ориентации.

В названии статьи имеется словосочетание *Мир изучаемого языка*. Кажется, что ещё можно сказать по этому поводу? Ведь уже давно никто не спорит с тем, что изучение языка предполагает соизучение культуры. Всем также хорошо известно, какие дисциплины дают нам теоретические основания для такого соизучения: *страноведение* и *лингвокультурология*. Однако, как только мы обращаемся к тем или иным программам и пособиям, предназначенным для практических занятий, или слышим о наполнении того или иного лекционного курса, возникает некоторое недоумение.

Страноведческий и лингвокультурологический материал зачастую по-прежнему понимается как культурно-историческая, природно-климатическая или обрядовая экзотика. Например, в качестве так называемых лингвострановедческих тем для иностранцев на интенсивных курсах в г. Тиммендорфер-Штрандт (Германия) были предложены темы «Русская изба», «Современный свадебный обряд». Во многих пособиях имеются темы типа «Камчатка — медвежий уголок», «Байкал» (бесконечный Байкал во всех пособиях по русскому языку как иностранному начиная с конца 50-х годов XX века). Подобная информация, вне всяких сомнений, оказывается интересной той особой публике, как правило, людям среднего возраста, которая изучает русский язык и культуру в качестве хобби неспешно, в течение многих лет и вкладывает в это изучение всю свою душу. Такой адресат хорошо знаком тем, кто работал на разговорных курсах русского языка за рубежом. Однако сегодня большинство наших обучаемых, особенно в российских вузах, к этой группе не принадлежат. Русский язык нужен им не как лингвокультурный феномен, а как инструмент для осуществления той или иной практической деятельности и как код, позволяющий максимально адекватно понимать русских. И надо сознаться, что в этих случаях упомянутая выше информация мало что дает иностранцам. Кроме того, подобную информацию намного легче получить на родном языке. Таким образом, на практике вопрос о принципах отбора страноведческого материала в учебный процесс остается, как и прежде, одним из наиболее актуальных.

Цель данной статьи — показать, что количество страноведческой информации, которой мы располагаем, и степень её объективности не всегда являются гарантией от сбоев в процессах межкультурного общения. Представляется очевидным, что для осуществления полноценного

общения коммуниканты должны обладать не только общим языком и общим набором пресуппозиций (так называемым общим знанием), но и иметь «неконфликтные» системы представлений о мире, говоря другими словами, в той или иной степени совпадающие картины мира.

Учитывая вышесказанное, представляется оправданным считать, что успешность восприятия некоторого смыслового фрагмента инокультурного мира часто зависит не от того, насколько объективно мы представим информацию о нем, а от того, насколько внятно мы разъясним иностранцу, как «видят», оценивают и даже переживают этот фрагмент русские.

Обратимся к конкретному примеру. Американские студенты-филологи прочитали рассказ Л. Улицкой «Пиковая дама» [7, с. 315—343]. Героиня этого рассказа, сама уже немолодая женщина, живёт с эгоистичной девятилетней матерью, которая не просто «заедает» её жизнь, но становится причиной её гибели. Все необходимые сведения на уровне языка, факта и смысла студентам были сообщены, все культуроспецифичные реалии должным образом истолкованы, этап филологической интерпретации текста был осуществлён, однако восприятие рассказа как литературного произведения вообще не состоялось. Студенты усомнились в адекватности самого сюжета и сказали, что он не отражает реальной жизненной проблематики. Это вызывало удивление, так как для русского читателя рассказ представляется вполне реалистичным и весьма драматичным. В процессе дальнейшего обсуждения содержания выяснилось, что для американского читателя подобный конфликт невозможен, поскольку он должен быть разрешён ещё до его начала. Один из студентов с удивлением спросил, почему главная героиня рассказа терпела такую жизнь, если могла уже давно поместить свою мать в дом престарелых?

Что же означает такой вопрос? И можно ли ответить на него, условно говоря, с помощью географии? Вряд ли. Он означает, что при прочтении проблема была не в том, что читатели чего-то не поняли, а в том, что они «увидели» другое. Очевидно, что студенты ничего не знали о специфике межличностных контактов у русских; того, что в русской культуре отношения по вертикали (родители—дети) имеют более высокую ценность, чем в американской культуре. То есть можно сказать, что в сознании русских и американцев один и тот же этический концепт (*Родители—дети*) имеет разное содержание. Вследствие этого мы смотрим на сюжет рассказа сквозь наши культурные очки, американцы — сквозь свои. При этом нужно понимать, что термин *культурные очки* — это не просто метафора, а важный этнопсихологический механизм, который формирует в сознании человека вполне определённые представления о мире, оценку явлений этого мира, свойственные коллективному сознанию той или иной национальной культуры. И, что самое главное, он делает эти представления самоочевидными, обеспечивая таким образом сохранение самой культуры и передачу её последующим поколениям. Именно поэтому жертвенность героини рассказа Улицкой не вызывает вопросов в сознании русских. Остро негативную реакцию вызвала бы как раз ситуация, о которой говорил американский студент. Оценка людей, отдавших в дом престарелых своих близких родственников, в русской культуре однозначна.

По этой же причине даже очень сильные (если использовать старую терминологию) иностранные студенты из Европы восприняли фильм А. Звягинцева «Елена» как не соответствующий «правде жизни». Они никак не могли поверить, что мать отдаёт свою пенсию взрослому человеку, который сам уже является отцом семейства и ждёт третьего ребёнка. А уж то, что из-за материальных проблем этого сына-отца она могла убить, это им было трудно даже представить. Такой «разворот» проблемы отцов и детей показался иностранцам невозможным. А мы, даже возмущаясь случившимся, расцениваем сюжет фильма как достоверный, поскольку в российской ментальности концепт *Материнская любовь* имеет очень значимую составляющую: *жертвенность*. У нас материнская любовь оценивается высоко, если она жертвенная. Для нас здесь всё узнаваемо, ничто не воспринимается как невозможное. Так, в отзывах о фильме читаем следующие, полные сочувствия строки: «Елена» — это фильм про жену-служанку и мать, поставленную перед трудным и мучительным выбором»; «...она как «Мать» Горького готова для сына на всё»; «...на экране наши герои в нашем времени». И ещё: «Достижение Звягинцева в том, что реальность приобрела художественную форму». «Звягинцев снял то, что мы видим каждый день». «Интересно, что Елену не мучают угрызения совести. Я думаю, они мучили бы её, если бы она не нашла денег» [8].

Коммуникативные неудачи возникают у инофона и при восприятии художественных и этических смыслов, связанных с концептом *Пьянство*. Многочисленные примеры этому имеются, наверняка, у каждого преподавателя, который пытался читать в иностранной аудитории произведения «шестидесятников», превративших понятие «пьянство» в литературно-эстетическую категорию и поведенческую модель, которая в условиях несвободы давала внутреннее раскрепощение, позволяла противостоять «абсурду жизни». Однако у иностранцев часто возникает вопрос, который вообще не волнует российского читателя: почему пьянство главного героя (например, в рассказах С. Довлатова) не делает его для нас менее привлекательным? Вопрос об отношении к пьяницам в русской культуре требует, несомненно, отдельного исследования.

Ведь только в нашей культуре человек в состоянии алкогольного опьянения может быть предметом юмора (достаточно вспомнить анекдоты про пьяных, некоторые художественные фильмы, сюжеты скетч-шоу «Шесть кадров» и многое другое). Злоупотребляющий алкоголем расценивается также как нонконформист, а иногда и как диссидент (при этом само пьянство превращается в стратегию выживания), как «несчастненький», обделённый судьбой, и вызывает жалость и сочувствие, иногда слезливое и сентиментальное. Если говорить о русской художественной картине мира, то можно утверждать, что с середины XX века концепт *Пьянство* зачастую играет сюжетообразующую роль (знаменитый фильм «Ирония судьбы») или становится почвой и поводом осмысления мира («Москва-Петушки» В. Ерофеева).

В европейских же культурах алкоголизм — болезнь, такая же, как и всякая другая, и поэтому требующая «конструктивной жалости», а именно медицинского вмешательства. В рамках данной статьи детальный анализ такого культуроспецифического феномена (а точнее, художественного и лингвокультурного концепта), как *Пьянство*, невозможен, поэтому хотелось бы только обратить внимание на то, что во многих случаях он требует особого комментария.

На восприятие того или иного культуроспецифического смысла может воздействовать и совсем уж, по выражению В. А. Жуковского, «неощутительное» [4, с. 84]: некий ментальный образ, порождающий вполне определённую «картинку». Расхождения этих «картинок» также часто вызывают межкультурный конфликт. Иллюстрацией может служить эпизод из романа М. Алданова «Ключ». Один из его героев, англичанин Клервилль, влюблённый в русскую девушку Марусю, читает её любимого писателя Ф. М. Достоевского. Как каждый нормальный человек, он при этом прекрасно знает, что такое бедный студент. Но когда он представляет себе студента Оксфорда, убившего за несколько шиллингов пожилую леди, он начинает сомневаться в гениальности Достоевского. Вообще чтение русского классика «досталось Клервиллю нелегко, и он был искренно рад, когда со спокойной совестью, с надлежащей дозой восхищения отложил в сторону обязательные книги Достоевского» [1, с. 255—256]. В этом смысле представляется не только оправданным, но и закономерным то, что в старых учебниках литературы в разделе, посвящённом, например, роману И. С. Тургенева «Отцы и дети», была представлена картина Н. А. Ярошенко «Студент». Именно таким и мог быть Евгений Базаров. Если мы его представим себе по-другому, какой-то сбой, несомненно, произойдёт в процессе актуализации художественного смысла. Надо сказать, что во всех экранизациях романа (1958 года, где главного героя играл В. Авдюшко; 1983 года — В. Богин), включая самый последний (мини-сериал А. Смирновой 2008 года), в котором играет Александр Устюгов, Базаров как тип и как образ очень похож на студента, изображённого на картине Ярошенко.

Приведённые примеры ещё раз доказывают, что методики и практики обращения к миру изучаемого языка должны основываться на новых представлениях о структуре фонового знания. А именно: на понимании того, что дело не всегда в языке и страноведческой информации, что особое место в нем занимают этнопсихологическая и культурно-антропологическая составляющие. Понятно, что включение этих составляющих в объект изучения расширяет последний, заставляя задуматься о необходимости разработки методологических и методических основ еще одной концепции, способной предоставить инструментарий для исследований не только действительного мира, окружающего человека, не культуры как таковой, а результатов преломления этого мира и всех основных отношений человека к миру (к природе, обществу, к другим людям, к самому себе) в его сознании. И поскольку в этом случае речь идет не столько культуре, сколько о содержании сознания её носителя, представляется оправданным назвать такую концепцию **лингвокультурной антропологией**.

Теоретической основой названной концепции могут стать результаты феноменологических исследований, поскольку именно феноменология предоставляет «возможность получать систематическое, критическое и методическое знание не только из эмпирического мира вещей, но из актов сознания, мира феноменальности» [5, с. 28]. Нельзя здесь не упомянуть, прежде всего, о книге Э. Гуссерля «Идеи к чистой феноменологии» [3], в которой он изложил своё учение об интенциональной структуре сознания, наделённого особым бытием и проявляющегося в многообразии своих актов. *Интенциональность* — термин, означающий конституирование объекта сознанием, является, по мнению философа, самой существенной характеристикой сознания, которая заключается в том, что объект, на который оно направлено, не обязательно должен существовать в реальности и быть определён. Речь здесь идёт не об отражении некоторой внешней предварительной истины, но об осуществлении истины самим сознанием. Обоснование «внутреннего существования предмета» [2, с. 33] доказывало, что всё, что мы мыслим, тоже существует, причём существует независимо от реальности и самого индивида. Именно благодаря этой способности сознания мы можем с равным успехом представить себе, например, дерево у нас за окном (реальный объект) или кентавра, который существует только в человеческом воображении. Таким образом, можно считать, что культура не только вокруг нас, но и внутри нас, а значит система представлений нации о своей стране и культуре не менее важна, чем реалии этой культуры.

В современных лингвокогнитивных исследованиях мы находим подтверждение этой мысли. Можно считать доказанным существование разных типов когнитивных структур: собственно когнитивных, содержащих сведения о реальном окружающем мире, лингвистических когнитивных структур, которые лежат в основе языковой и речевой компетенции [6, с. 33], прототипических когнитивных структур. Есть, как представляется, основания предполагать, что, обращаясь к интенциональной природе сознания, можно говорить и о феноменологических когнитивных структурах, рассматривая их как хранилище культурных перцептивных стандартов, представлений, стереотипов, мифов и даже предрассудков.

Вероятно, названное положение может иметь непосредственное прикладное значение в различных областях гуманитарного знания, в том числе и в теории межкультурной коммуникации. Но прежде всего, оно наводит нас на мысль о необходимости расширения содержания понятий *лингвокультурологическая* и *межкультурная компетентность* за счёт включения в них таких интенциональных объектов, как ментальные репрезентации, аффективные феномены, ценностные ориентации, предубеждения, предрассудки и переживания. Причём подобное лингвокультурно-антропологическое измерение страноведения играет большую роль не только применительно к обучению иностранцев, но и с точки зрения инкультурации наших соотечественников, с точки зрения формирования этнической идентичности.

Литература

1. Алданов М. Ключ / М. Алданов. — М. : Дружба народов, 1991. — 320 с.
2. Brentano Ф. Избранные работы / Ф. Brentano. — М. : Алетейя, 1996. — 271 с.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. — М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. — Т. 1. — 336 с.
4. Жуковский В. А. О поэте и современном его значении. Письмо к Н. В. Гоголю // Полн. собр. соч. : в 12 т. / В. А. Жуковский. — СПб. : Изд-во А. Ф. Маркса, 1902. — Т. X. — 210 с.
5. Макаров Л. М. Основы теории дискурса / Л. М. Макаров. — М. : Гнозис, 2003. — 280 с.
6. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова., И. А. Стернин. — М. : АСТ ; Восток — Запад, 2007. — 314 с.
7. Улицкая Л. Цю-юрих: Роман, рассказы / Л. Улицкая. — М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. — 368 с.
8. Рецензии редакторов и прессы [Электронный ресурс] // Как в кино. — Режим доступа: <http://kak-v-kino.ru/> елена-а-звягинцев-россия-2011/

References

1. Aldanov M. Kliuch / M. Aldanov. — M. : Druzhba narodov, 1991. — 320 s.
2. Brentano F. Izbrannye raboty / F. Brentano. — M. : Aletejja, 1996. — 271 s.
3. Gusserl' E. Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii / E. Gusserl'. — M. : Dom intellektual'noj knigi, 1999. — T. 1. — 336 s.
4. Zhukovskij V. A. O poete i sovremennom ego znachenii. Pis'mo k N. V. Gogoliu // Poln. sobr. soch. : v 12 t. / V. A. Zhukovskij. — SPb. : Izd-vo A. F. Marksa, 1902. — T. X. — 210 s.
5. Makarov L. M. Osnovy teorii diskursa / L. M. Makarov. — M. : Gnozis, 2003. — 280 s.
6. Popova Z. D. Kognitivnaja lingvistika / Z. D. Popova., I. A. Sternin. — M. : AST ; Vostok — Zapad, 2007. — 314 s.
7. Ulickaja L. Ciu-jurij: Roman, rasskazy / L. Ulickaja. — M. : EKSMO-Press, 2002. — 368 s.
8. Recenzii redaktorov i pressy [Elektronnyj resurs] // Kak v kino. — Rezhim dostupa: <http://kak-v-kino.ru/elena-a-zviagincev-rossija-2011/>

МІЛЛЕР Людмила Володимирівна,

доктор філологічних наук, професор кафедри російської мови Петербурзького державного університету транспортного сполучення; Санкт-Петербург, Росія;

e-mail: ludmilavmiller@mail.ru; тел.: +7 (812) 7841987; моб.: +7 921 9020570

СВІТ МОВИ, ЩО ВИВЧАЄТЬСЯ: ФЕНОМЕНОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ

Анотація. У статті розглядається питання про необхідність розширення змісту понять країнознавство і лінгвокультурологія за рахунок включення в перелік традиційних типів країнознавчих об'єктів культурних перцептивних стандартів, уявлень, стереотипів, мифів і навіть забобонів. І оскільки в цьому випадку йдеться не стільки про культуру, скільки про свідомість її носія, видається виправданим назвати таку концепцію лінгвометодичного освоєння світу мови, що вивчається, лінгвокультурною антропологією. Теоретичні засади даної концепції можна сформулювати, якщо звернути більш пильну увагу на феноменологічні дослідження, результати яких дозволяють стверджувати, що все, що ми мислимо, теж існує незалежно від реальності й від самого індивіда.

Основні положення статті проілюстровано прикладами з творів М. Алданова, Л. Улицької, епізодами фільму А. Звягинцева «Олена», ментальними репрезентаціями, породженими традиційними уявленнями про головного героя роману І. С. Тургенєва «Батьки й діти».

Ключові слова: феноменологічний підхід, лінгвокультурна антропологія, культуроспецифічні одиниці навчання, інтенціональний об'єкт, ментальні репрезентації, ціннісні орієнтації.

Ludmila V. MILLER,

Grand PhD in Philological Sciences, Full Professor of the Russian Language Department of Petersburg Transport State University; Sankt-Petersburg, Russia;
e-mail: ludmilavmiller@mail.ru; tel.: +7 812 7841987, mob.: +7 921 9020570

WORLD OF THE LEARNING LANGUAGE: PHENOMENOLOGICAL ASPECTS

Summary. The article focuses on a problem of the necessity to extend the content of Russian studies' conception («stranovedenie»). The author suggests to include cultural perceptive standards, ideas, stereotypes, myths, as well as prejudices into list of types of studying objects. It concerns more mentality of the representative's culture rather than a culture itself, therefore we can define such a conception as linguistic anthropology. Theoretical bases of the conception can be determined taking into consideration results of phenomenological researches.

The results allow us to argue that all human ideas, thoughts, etc. exist regardless of the reality and the individual himself. Excerpts from the works by M. Aldanov and L. Ulickaya, episodes from the film «Elena» by A. Zviagintsev, mental representations of traditional ideas about the protagonist of the novel by I. Turgenev «Fathers and Sons», are illustrated as the main theses of this article.

Key words: Russian studies («stranovedenie»), cultural perceptive, linguistic anthropology, phenomenological research.

Статью отримано 23.07.2014 р.

УДК 37.062.3:378:30:811.161.1(438.311)

ЮЗЕФЯК Сильвестр,

доктор филологических наук, профессор Педагогического университета имени Комиссии народного образования; Краков, Польша;
e-mail: syljoz6@wp.pl; моб.: +48 881320604

СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-РУСИСТОВ КРАКОВСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В СВЕТЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Аннотация. В статье речь идёт о теоретико-практической подготовке студентов русской филологии Педагогического университета в Кракове к проведению уроков русского языка в начальных и средних школах. Автор, ссылаясь на исследования в области глоттодидактики, сфокусированные на антропоцентризм подходов, представляет разработанную им методику подготовки студентов-русистов к учительской практике. Данная методика учитывает то, что студенты Педагогического университета являются непосредственными и дидактически компетентными исполнителями уроков русского языка как иностранного. Автор опирается на концепции польских и российских лингводидактов, а также на свой собственный многолетний опыт работы со студентами-русистами. Рекомендации, содержащиеся в настоящей статье, призваны оказать помощь в подготовке к урокам русского и других иностранных языков не только студентам-практикантам, но и учителям начальных и средних школ, аспирантам языковедческих специальностей, преподавателям педагогических вузов, институтов и курсов повышения квалификации педагогических кадров.

Ключевые слова: антропоцентризм в глоттодидактике, урок, русский язык как иностранный, компетентный исполнитель, управленческая техника работы.

Согласно утверждённым Министерством высшего образования Польши вузовским планам обучения глоттодидактике, студенты 2-го курса русской филологии Краковского педагогического университета ежегодно слушают курс глоттодидактики. Занятия по глоттодидактике проводятся в течение осенне-зимнего и весенне-летнего семестров и дополняются один раз в неделю посещением школьных уроков в начальных школах. После завершения 1-го семестра теоретико-практических занятий в начале 2-го семестра студенты проходят трехнедельную практику в начальных школах (классы с 4-го по 6-й) и в гимназиях, проводя уроки русского языка, которые оцениваются как школьными опекунами (т. е. учителями-методистами русского языка), так и назначенными университетом дидактами-русистами.

Студенты 3-го курса в начале каждого академического года, как правило с 1-го по 21 октября, проходят школьную практику, а затем в течение двух семестров посещают занятия в университете и, как и на втором курсе, один раз в неделю посещают школы того же, что и прежде, образовательного уровня. Такая подготовка даёт право бакалаврам на преподавание русского языка в школах 1-го типа.